

В этот момент к ней быстрым шагами приближалась другая служанка, одетая в персиковое платье. Подойдя ближе, она громко окликнула:

— Сестрица Цинцзя, матушка сегодня в ударе, желает сыграть с Вань-фэй в го. Она спрашивала о той белофритовой доске для го, которую Его Величество пожаловал в прошлый раз. Куда ты её убрала?

Вань-фэй раньше была боковой наложницей наследного принца и прислуживала вместе с Цзян Яо. Она была старше Цзян Яо на восемь-девять лет. Теперь, когда наследный принц взошёл на престол как Император, её статус тоже повысился, и она осталась единственной наложницей в этой внутренней гареме.

Вань-фэй была куда более равнодушной к мирскому, чем Цзян Яо, и никогда первой ни с кем не затевала ссор, действительно являясь в гареме существом невидимым, словно тень.

Услышав её слова, Хуа Байхэ последовала за ней к выходу:

— Матушка велела убрать её на склад, я сейчас же пойду и принесу... К слову, Вань-фэй привыкла пить чай маоцзянь, напомни Хуаньси об этом.

Та служанка отозвалась издали:

— Хорошо!

.....

Спустя четверть часа.

Хуа Байхэ воочию увидела истинный облик Цзян Яо, и её красота поразила девушку настолько, что та поначалу даже не заметила сидевшую напротив Вань-фэй.

Инстинкты, заложенные в теле, заставили её прекратить это оскорбительное для хозяйки прямое разглядывание, однако тот случайный беглый взгляд уже оставил глубокий, яркий след в глубине её души.

Ослепительное повседневное одеяние цвета яркого солнца сияло на ней, озаряя весь дворец Чанлэ золотистым светом, но даже оно не смогло затмить её собственное сияние.

Участок шеи у ворота платья превосходил изгибом лебединую шею, кожа на лице соперничала с первым снегом, а пара чёрных глаз, таящих улыбку, излучала мягкость, подобную текучей воде.

Благородные и открытые черты лица одновременно выдерживали императорское величие и при этом не выглядели устрашающе — стоило лишь взглянуть на неё, как сердце преисполнялось симпатией.

Хуа Байхэ, состоявшая в пожизненном фан-клубе любителей красоты, внешне стояла у столба на посту стражи, но в душе жаждала облизнуть её несравненную божественную красоту на заставке экрана несколько десятков тысяч раз.

Она была так опьянена, что даже не заметила, как ушла Вань-фэй.

— Цинцзя... — донесся до неё мягкий голос, прозвучавший рядом снова.

Хуа Байхэ резко пришла в себя и тихо откликнулась:

— Матушка.

— Что с тобой сегодня? Выглядишь так, будто душа из тела вон, — говоря это, Цзян Яо обладала неизменно превосходной манерой речи, произнося слова чрезвычайно чётко, но без малейшего оттенка высокомерия, напротив — с абсолютной заботой.

Хуа Байхэ наслаждалась моментом, чувствуя, как её уши «беременеют», и при этом проворно собиралась навести порядок на чайном столике, опустив взор и мягко улыбаясь:

— Матушка излишне беспокоится. Я подумала о том, что Сяо-шань из Императорской кухни принёс весть: мол, сегодня завезли с десяток жирных уток, а сейчас как раз самое лучшее время для блюд из утки. Не желаете ли сегодня вечером заказать утиный суп?

Цзян Яо невольно рассмеялась, не ожидая, что та будет так рано хлопотать о её трапезе, и уже собиралась что-то сказать, как вдруг заметила уголок темно-синей ткани, выглянувший из-за ворота согнувшейся служанки.

— ...Что это у тебя за пазухой?

Хуа Байхэ в растерянности подняла голову, чуть было рефлекторно не ответив: Грудь!

И тут же опустила взгляд вслед за её взором —

Хлоп.

Книга, у которой уже торчала большая половина угла, окончательно вывалилась на стол.

Синяя тканевая обложка была завязана не слишком аккуратно, и из неё смутно выглядывала половина рисованной обложки.

На той открывшейся половине как раз красовались нижние половины тел двух тесно прижавшихся друг к другу людей, занятых гимнастикой.

Хуа Байхэ: — ...!!!

Царство, что наложница завоевала для тебя (Часть 3)

В комнате воцарилась тяжелая атмосфера.

Цзян Яо отослала остальных слуг. Хуаньси, зная подоплеку дела, на прощание бросила на Хуа Байхэ полный тревоги взгляд:

Держись.

После чего крайне тактично прикрыла за собой дверь снаружи.

Хуа Байхэ: — ...Ей показалось, что тот взгляд правильнее перевести как «Береги себя».

Привычной улыбки на лице Цзян Яо и след простыл. Она протянула руку и медленно подняла со стола ту фривольную книжицу. От этих медленных движений у Хуа Байхэ кровь стыла в жилах, а кони слабели.

На её лице не читалось ни гнева, ни радости, а белоснежные пальцы небрежно перелистывали страницы — с такой непринужденностью, будто она просматривала исторические хроники.

На мизинце красовался золотой наперсток с инкрустацией из драгоценных камней, отчего невольно возникало ощущение, что соприкосновение этой пошлой гадости с её кожей было сродни осквернению.

Однако Цзян Яо не спешила закрывать книгу и, продолжая перелистывать страницы, бесстрастным тоном обратилась к замершей перед ней Хуа Байхэ:

— Что это?

Хуа Байхэ, уставившись на запечатлённую на обложке сцену «старик толкает телегу», в тумане вспомнила, что существуют такие фильмы для взрослых родом из островного государства, где не нужны ни субтитры, ни знание языка — один лишь взгляд на картинку позволяет понять глубокий смысл происходящего.

Разве с умом Цзян Яо было не понять то, что уразумел бы и трёхлетний ребенок из серии «посмотри на картинку и расскажи»?

Хуа Байхэ тут же почувствовала, что ей задали смертельный вопрос, язык перестал её слушаться и начал заплетаться, и в течение долгого времени из неё выдавилось лишь одно слово:

— ...Книга...

Одновременно с этим в памяти всплыли суровые обвинения вроде «разврат во внутренних покоях» и «хранение запретных книг», от которых ей казалось, что даже ста жизней не хватило бы, чтобы Цзян Яо приказала её казнить.

Выслушав это, Цзян Яо слегка замерла на полуслове, прервав жест перелистывания страниц.

Она приподняла веки и окинула взглядом стоящую перед ней девушку, словно собираясь что-то сказать.

Хуа Байхэ неотрывно смотрела на её красивые губы, чувствуя, как её сердце словно бросили кипеть в раскаленное масло, заставляя переживать каждую секунду на грани гибели и отчаяния.

Спустя долгое время, заметив, что та едва ли не падает в обморок от страха, Цзян Яо наконец смиростивилась и заговорила:

— Ты служишь при мне столько лет и уж точно не та недалекая особа, которая способна на безрассудство и нарушение законов...

Уловив в её тоне намек на возможное помилование, Хуа Байхэ внутренне немного приободрилась.

Но следом за этим последовал неожиданный поворот:

— ...Поэтому ты намеренно сделала так, чтобы я это увидела, верно?

Хуа Байхэ, едва не лишившаяся чувств: — ...

Да нет же! Ничего подобного! Я просто плохо умею прятать клубничку!

Она пока до конца не понимала политику управления подчиненными в исполнении Цзян Яо и не знала, подослал ли император людей в этот дворец. Если она сейчас выдаст безумного

маленького вана Цзяна, то самой ей вряд ли поздоровится.

Поэтому Хуа Байхэ оставалось лишь беспомощно рухнуть на колени, стиснуть зубы и принять этот взрывоопасный удар на себя, применив самую классическую фразу слуг из исторических дорам:

— Помилуйте, матушка!

Она в ужаре и трепете распростерлась на полу, прижимаясь лбом к холодной кирпичной кладке.

Увидев, с какой готовностью та упала на колени, Цзян Яо по-прежнему не выказала на лице никаких эмоций. Она перевернула книгу обложкой вниз на столе и слегка придавила правой рукой правый висок, испустив вздох, который могли расслышать лишь они двое.

— Пусть даже Его Величество подавил осенний смотр невест в этом году, будут еще следующий, через год... До тех пор, пока я хоть на день не рожу императорского первенца, это место останется зыбким. Цинцзя, неужели и ты считаешь... что я должна прибегнуть к помощи ребенка, чтобы укрепить расположение Его Величества ко мне?

Хуа Байхэ в этот момент размышляла о связи между долгим стоянием на коленях и ревматизмом, но, услышав вопрос, мысленно тут же ответила:

Да упаси бог! Как я могла принести подобную скверну, чтобы осквернить глаза маленькой феи!

Система: — Верно, ты лишь умеешь её прятать.

— Матушка, это раба оплошала, рабе не следовало сметь осквернять глаза матушки подобной грязной и пошлой дрянью. Раба виновата и заслуживает смерти десятков тысяч раз, — отвечая так, Хуа Байхэ в глубине души предавалась скорби: судя по всему, порки ей не миновать.

Глядя на макушку склонившейся служанки и прислушиваясь к её словам, Цзян Яо медленно произнесла:

— С твоими способностями и связями раздобыть книгу, запрещенную к изданию императорским указом, должно быть, было не просто?

Хуа Байхэ очень хотелось отправить её разбираться с собственным непутёвым младшеньким братицем, но от интонаций в её голосе веяло легкой жутковатостью.

Это напоминало ситуацию, когда мужчина в день собственной свадьбы обнаруживает, что

лучший друг специально организовал контрабанду и прислал в подарок десяток флаконов индийского масла — оскорбление чести и достоинства.

В применении к Цзян Яо это означало следующее: она явно стала императрицей, однако стоило случиться одному лишь отбору невест, как окружающие принялись за неё переживать, решив, что её любовь с императором не выдержит испытаний, раз даже самая преданная служанка изо всех сил раздобыла и подсунула ей такое сочинение.

Чем больше Хуа Байхэ думала об этом, тем сильнее погружалась в отчаяние:

«Сегодня моя ни в чем не повинная пятая точка, похоже, обречена».

Система: — ...Да уж, даже порку умудрилась описать столь развратно, преклоняюсь.

Заметив, что та лишь молча стоит на коленях, Цзян Яо внезапно вспылила и уже хотела было высказать всё, как снаружи раздался громкий пронзительный окрик:

— Прибыл Его Величество!

В покоях воцарилась тишина, нарушаемая лишь затихающим отзвуком голоса.

Хуа Байхэ уже мысленно задыхалась от ужаса при мысли, что ее тылы станут достоянием гласности для посторонних глаз, как вдруг увидела, что Цзян Яо уже поднялась с сиденья, прошла мимо неё и направилась навстречу гостю.

До её слуха донеслись легкие, брошенные вскользь слова:

— Чего стоишь на коленях? Если не уберешь эту вещь до прихода императора, ста твоих голов не хватит, чтобы расплатиться.

Хуа Байхэ: — ...А? Ой???

— Раба слушается!

.....

Мужчина в золотом императорском халате под громогласные вопли «Да здравствует император!» с величественным видом шагнул внутрь, заложив руки за спину. Окинув комнату быстрым взглядом по сторонам, он тотчас нахмурился:

— Как вы прислуживаете, если в этот час еще не подано из Императорской кухни!

Все в комнате опешили от испуга, у Хуаньси лицо побелело, и она переглянулась с Хуа Байхэ —

Строго говоря, когда император переступил порог, наступило лишь время ужина, с чего бы им подавать еду заранее?

Лишь Цзян Яо, заметив перемену в его выражении лица и не зная, что именно вызвало его гнев, с улыбкой шагнула ему навстречу:

— Я не знала, что Его Величество пожалуется. В полдень я велела Императорской кухне приготовить несколько видов десертов. Из-за их отменного вкуса я не удержалась и съела на пару кусочков больше обычного, вот и затянула с вечерней трапезой.

Говоря это, она незаметно бросила взгляд на Хуа Байхэ.

Торжественно кивнув, Хуа Байхэ тихонько прокралась к выходу и бегом отправила людей передать на кухню распоряжение подать ужин, специально указав включить в него те же самые пирожные, что матушка ела после полудня.

И действительно, император в комнате уже с улыбкой осведомился:

— О? Чьих же это рук творение, раз сумело соблазнить даже мою императрицу?

Устроившись вместе с ним на мягкой тахте, Цзян Яо приняла из рук служанки чашку с чаем, подала её ему и с теплой улыбкой в глазах ответила:

— Это повар из Цзяннани, что прибыл на днях. Его персиковые пирожные просто бесподобны: корочка запечена мягкой и ароматной, а внутри — начинка из свежих персиковых лепестков, собранных ранней весной. На вкус сладко, но не приторно, Его Величество вполне может отведать.

Его Величество от столь аппетитного описания и самого пробрал аппетит, и он рассмеялся:

— Раз уж супруге по душе, то велеть ему перебраться на кухню во дворец Чанлэ.

Цзян Яо с улыбкой отклонила предложение, и благодаря столь непринужденной смене темы дурное настроение императора при входе в покои было полностью развеяно.

К моменту, когда вечерняя трапеза была расставлена, августейшая чета уже сидела за столом. Цзян Яо попыталась прислуживать императору во время еды, но в конце концов он заставил её разделить трапезу вместе с ним.

Наблюдая за тем, как гармонично они проводят время вместе, Хуа Байхэ испытала легкую ностальгию —

Все пары, что поначалу преисполнены обид, в самом начале казались неразлучными небожителями.

Она тихонько удалилась вместе с Хуаньси, оставляя уютную атмосферу ужина наедине для императора и императрицы.

.....

Однако обстановка внутри дворца оказалась далеко не столь сладкой, как им представлялось.

— Сегодня я навещал матушку-императрицу, и неизвестно, кто нашептал ей про смотр невест, в общем, она устроила мне знатный нагоняй, — произнес император, помешивая ложкой суп и неожиданно выдавая эту фразу.

На словах это звучало как жалоба на то, что мать читает ему нотации.

Но Цзян Яо, уловив истинный смысл намека, тут же подхватила:

— Вдовец-императрица тоже заботится о Его Величестве. Со времен святых предков, стоило лишь новому императору взойти на престол, как проведение смотра невест становилось делом первостепенной важности для министерства ритуалов и всего двора. В конце концов, если внутренние покои пустуют, неизбежно возникает риск малочисленности наследников, так что вопрос со смотром и впрямь пора ставить на повестку дня.

Ложка в руках императора замерла, и его пронзительный взгляд устремился на неё:

— О? Неужели императрица тоже желает убедить меня устроить великий смотр?

Выражение лица Цзян Яо едва заметно дрогнуло, и она мягко ответила:

— Таков долг вашей слуги.

Император поднес пиалу к губам и допил оставшийся суп. По его лицу невозможно было прочесть ни гнева, ни радости, и он сухо бросил:

— У меня еще осталось несколько докладов, я пойду.

Цзян Яо поднялась, совершила поклон и тихо произнесла:

— Провожая Его Величество.

Однако пока это золотистое сияние не скрылось из виду, она так и не выпрямилась до конца.

Если бы император действительно не желал проводить смотр, он бы ни за что не завел об этом речь в ее покоях сегодня же. Стоило словам сорваться с его губ — он уже прекрасно знал, каков будет ее ответ.

Что же до этой манеры поспешно покинуть дворец Чанлэ, то уже завтра утром при дворе все узнают, что император решил начать осенний отбор по ее собственному настоянию.

В тот момент все чиновники станут превозносить её широту взглядов и добродетель матери поднебесной.

При этой мысли Цзян Яо оперлась рукой о прохладный стол, присела и, глядя на почти нетронутые блюда перед собой, погрузилась в тяжелые раздумья.

.....

— Матушка.

Голос, полный тревоги, прозвучал рядом с Цзян Яо.

Она пришла в себя и, увидев стоящих перед ней Цинцзя и Хуаньси, столкнулась с их обеспокоенными взглядами. Равнодушно махнув рукой, она произнесла:

— Уберите все эти блюда.

Хуаньси не знала, о чем они беседовали с императором, но заметив, что в пиале перед хозяйкой не ubyло и половины риса, встревожилась:

— Матушка, раба принесет и разогреет еду заново, поешьте еще немного, разве можно продержаться на таком малом количестве?

Цзян Яо покачала головой, давая понять, чтобы та просто делала свою работу и не говорила лишнего.

Хуа Байхэ хранила молчание, уткнувшись носом в работу: раз уж император ушел, что если Цзян Яо решит свести с ней счёты задним числом?

Она развернулась с мисками и палочками в руках —

— Цинцзя, ты останься.

Хуа Байхэ: — ...И зачем я только ляпнула лишнее.

Она с окостенелой улыбкой повернулась обратно и глуповато переспросила:

— У матушки еще будут какие-то распоряжения?

В этот момент вокруг не было ни души, а ближайшие слуги ожидали за пределами залы, не имея права входить внутрь.

Цзян Яо слегка постучала золотым наперстком по столу, скользнув по ней взглядом, и неторопливо произнесла:

— Разве ты не собиралась преподать мне уроки по искусству интимных покоев?

Не дав Хуа Байхэ времени завывать от ужаса и броситься уверять в своей невинности, она продолжила:

— Начиная с сегодняшнего дня, ты будешь обучать меня этому лично. Без упущений, уяснила?

Хуа Байхэ: — ...

Хуа Байхэ: —

Хуа Байхэ: —

Хуа Байхэ прослезилась от избытка чувств: — Система! Система, ты слышала?! Она сама меня к этому принуждает!

Царство, что наложница завоевала для тебя (Часть 4)

Полог кровати был опущен, многослойные шелковые занавеси скрывали ложе, и лишь огоньки светильника в углу комнаты то и дело потрескивали, слабо освещая пространство вокруг императорского ложа.

Цзян Яо уже переоделась в шелковый золотистый пеньюар, а её распущенные черные волосы ниспадали водопадом до самой талии, подчеркивая её подобное нефриту лицо. Без макияжа губы не казались бледными, напротив — отсвечивали нежно-розовым оттенком.

Подобно дикому персику в начале лета, чей стан окутан зеленью и белизной, но на самых кончиках лепестков проступает легкий румянец.

Огоньки светильника отражались в её смоляно-черных глазах, делая их невероятно яркими, и она бросила легкий скользкий взгляд на человека, заставлявшего постель у изголовья — этой ночью Хуа Байхэ была единственной, кого оставили дежурить в спальнях покоях.

Взгляд Цзян Яо медленно скользнул по шее и талии стоявшей перед ней девушки, и лишь когда у Хуа Байхэ на спине зашевелились все волосы, та неторопливо произнесла:

— Одеяло ты перестилаешь уже во второй раз. Цинцзя, с каких это пор ты стала такой нерасторопной?

Та, чье имя назвали, слегка оцепенела, протянула руку к крюку балдахина и тихо ответила:

— Почивайте с миром, матушка. Сегодня моя очередь нести ночной дозор, если будут указания...

— Ты что же, пустила мои слова мимо ушей? — Цзян Яо изогнула изящные брови, и хотя её тон по-прежнему оставался мягким и ласковым, прислуга перед ней уже опустилась на колени.

— Раба не смеет.

Глядя на ту, что с легкостью опустилась на колени, Цзян Яо слегка улыбнулась:

— Не смеешь? Ты даже запретную книгу осмелилась мне подсунуть, чего же тебе еще не сметь?

— Поднимайся, — коротко приказала она.

Какой бы мягкой она ни казалась в обычное время, она оставалась императрицей, и властный нрав повелительницы никуда не делся.

У Хуа Байхэ перехватило дыхание, она с трудом подавила искушение немедленно запрыгнуть на эту огромную кровать и выдавила из горла:

— Матушка, подумайте дважды. Если старые наставницы прознают о подобном неуважении к высшим, боюсь, моя собачья голова слетит с плеч.

Восхищаться красотой Цзян Яо — это одно дело, а умирать под цветком пиона — совсем другое.

Она говорила о пожилых наставницах, что с детства обучали Цзян Яо. Такие были положены каждой девице из знатного и влиятельного рода: в мирное время они заведовали бытом госпожи, обучая всему — от выбора нарядов до служения будущему мужу после замужества. Полный комплекс услуг пожизненного сервиса с гарантией результата.

Если эти дамы узнают, чему именно она обучает образцово-показательную императрицу из развратных вещиц...

Хуа Байхэ передернуло.

Услышав это, Цзян Яо легко рассмеялась, позабавленная словом «собачья голова», прозвучавшим из уст служанки.

Однако Хуа Байхэ сочла этот аргумент недостаточно веским и, лихорадочно соображая, выставила еще один щит:

— Если об этом узнает Его Величество... раба не снесет вины в «совращении правителя».

Цзян Яо окончательно рассмеялась, и её звонкий смех раскатился по комнате.

Спустя долгое время Цзян Яо, опираясь одной рукой о постель, протянула другую к стоявшей на коленях девушке и слегка поддела пальцем, напоминающим бамбуковый побег, подбородок своей приближенной служанки, заставляя ту поднять лицо.

Её взгляд дюйм за дюймом изучал чужое лицо, а уголки губ по-прежнему трогала та же мягкая, водная улыбка...

Только вот Хуа Байхэ с каждой секундой казалось, что та над ней издевается.

И точно, Цзян Яо заговорила:

— Цинцзя, ты ведь напоминаешь мне, что пора обучать тебя грамоте, верно?

Она произнесла:

— Слово «совращение» вовсе не применяется к тебе.

Хуа Байхэ: — ...

Улыбка постепенно угасала.

Не дав ей времени оплакать утраченную красоту, Цзян Яо разомкнула губы:

— Даю тебе последний шанс. Залезай на кровать.

И Хуа Байхэ проворно забралась на ложе.

Она раскрыла эту синюю тетрадку, вызывающую краску на щеках, и почувствовала, как её лицо начинает гореть, а нос ощутимо теплеть.

В этот момент система неожиданно ударила в гонг у неё в голове!

— Цзень!

— Не смей первой соблазнять цель! Ты всё ещё хочешь получить свой сто миллионов?

Хуа Байхэ, внезапно пришедшая в себя: — ...

Смотреть можно, а пробовать нельзя, прикасаться запрещено — это просто сводило на нет все её нереализованные таланты.

Она тяжело вздохнула про себя:

Что ж, раз нельзя действовать руками, придется пустить в ход язык.

.....

Спустя полчаса.

Цзян Яо сидела на кровати и с бесстрастным лицом слушала теоретические выкладки Хуа Байхэ:

— Слышала я, что близость с любимым человеком, даже если это лишь соприкосновение губ, сладка, как мёд...

На этих словах она запнулась, деликатно намекнув, что у нее несколько сосет под ложечкой и не найдется ли чего перекусить.

Цзян Яо едва не рассмеялась в голос, но стоило ей кивнуть, как Хуа Байхэ действительно извлекла из кармана шелковый платок, развернула его, а внутри обнаружилась пироженка в форме лепестка — точь-в-точь те самые персиковые сладости, что подавали к столу после

ужина.

Ловко отломив кусочек пирожного, она поднесла его к собственным губам, намереваясь продолжить прерванный сухой курс обучения.

Улыбка на лице Цзян Яо окончательно треснула:

— Цинцзя, кажется, в последнее время я слишком тебя баловала.

Хуа Байхэ тут же захлопнула рот.

И заодно торопливо проглотила последний кусочек пирожного.

<http://bllate.org/book/22171/2309616>